

Мария Жарова



ПРАВИЛА  
*моего*  
ХАОСА

# Мария Жарова

## Правила моего хаоса

<https://litres.ru/74478724>

### Аннотация

ОНИ ЗАКЛЮЧИЛИ СДЕЛКУ. ОН — ЧТОБЫ ВЕРНУТЬ ПРОШЛОЕ. ОНА — ЧТОБЫ ЗАБЫТЬ СВОЁ. НО САМЫЕ ОПАСНЫЕ ЧУВСТВА НАЧИНАЮТСЯ ТАМ, ГДЕ КОНЧАЮТСЯ ПРАВИЛА. Яна — виртуоз красивой лжи. Она создает для других безупречную жизнь в соцсетях: страстные признания, идеальные свидания, сияющие счастьем лица. В своей же реальности она давно объявила мораторий на чувства. Её сердце под надёжным замком, а лучший друг — кот Марсель. Всё меняет звонок. Новый клиент — Глеб Крымов, IT-магнат с репутацией циника и ледяным взглядом. Задача — не продвижение бизнеса. Задача — вернуть его бывшую жену. С помощью постов, писем и тонко спланированных «случайностей» Яна должна превратить его в образец раскаявшегося романтика. Задача неприятная, но гонорар решает все проблемы. Пока Яна не видит фото «бывшей». Это Вера — женщина-призрак из её собственного прошлого, живое воплощение старого унижения и боли. Теперь Яна должна сделать всё, чтобы эта идеальная картинка снова оказалась в его объятиях. Она пишет для него нежные тексты, учит его «правильно» скучать и случайно встречаться. Она становится режиссёром его личной драмы. И

слишком поздно понимает, что влюбляется в главного героя. Но Глеб платит ей не за чувства. Он платит за результат. А Вера — не та, за кого себя выдаёт. За её безупречной улыбкой скрывается опасная тайна, способная разрушить всё. Сможет ли Яна остановить спектакль, который сама же поставила? Или её собственная роль в этой пьесе окажется самой трагичной?

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 16 |
| Глава 3                           | 29 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 30 |

# Глава 1

Моя квартира пахнет кориандром и остывшим кофе.

Этот запах — моя визитная карточка. Я пью кофе литрами, завариваю в турке, добавляю щепотку кориандра — бабушкин рецепт, который я ненавидела в детстве, а теперь считаю единственно правильным. Кофе должен быть горьким, обжигающим, почти невыносимым. Как жизнь. Как любовь. Как правда, которую я пишу для других, но не говорю себе.

Марсель спит на подоконнике, свернувшись калачиком, и даже не думает просыпаться. Кот — мой единственный мужчина, который никогда не предаст. Не потому что он верный. Просто потому что у него нет выбора. Он мурлычет во сне, и его пушистый бок мерно вздымается. Рядом с ним на подоконнике стоит моя любимая кружка — потрескавшаяся, с отбитой ручкой, но я не могу её выбросить. Её подарила мне бабушка, когда я поступила в университет. В ней есть что-то родное, уютное, домашнее. Как и запах кориандра.

Я сижу на кухне, смотрю в окно и прокручиваю в голове события вчерашнего дня. Очередная свадьба. Очередные идеальные фото. Очередная пара, которая через год разведется, но сейчас смотрит друг на друга так, будто они — центр вселенной.

Я создаю эти взгляды. Я пишу сценарии, подбираю ракур-

сы, монтирую эмоции. Я — кукловод чужого счастья. И мне это надоело.

Вчерашняя свадьба была особенно показательной. Жених — сын крупного чиновника, невеста — модель с обложки. Они смотрели друг на друга с таким восторгом, что я почти поверила. Почти. А потом, когда я монтировала видео, я заметила деталь: его взгляд скользил мимо неё, туда, где стояла её подружка. Невеста была красивой. Но он смотрел на другую.

Я не сказала никому. Это не входит в мои обязанности. Я должна создавать красивую картинку, а не расследовать чужие измены. Но внутри меня что-то сжалось. В который раз.

Пальцы сами собой потянулись к телефону. Я открыла приложение знакомств, полистала профили. Те же лица, те же улыбки, те же «ищу серьезные отношения». Я уже не верила. Ни одному из них. Ни себе.

Я закрыла приложение и допила остывший кофе.

Телефон звонит в тот момент, когда я допиваю вторую чашку. Экран светится знакомым именем. Лика. Лучшая подруга, которая знает меня лучше, чем я сама. И которая никогда не звонит просто так.

— Яна, привет, — голос Лики бодрый, как утренняя зарядка. — Ты чего не отвечаешь?

— Сплю, — вру я.

— Врешь, — она смеется. — Ты никогда не спишь по

утрам. Вечно сидишь на кухне со своим дурацким кофе и смотришь в окно, как пенсионерка.

— Я обдумываю стратегию, — парирую я.

— Стратегию чего? — она фыркает. — Как пережить очередной день?

— Как заработать на квартиру на Патриках, — огрызаюсь я.

— О, это я одобряю, — голос Лики становится заговорщицким. — Слушай, у меня к тебе предложение. Очень денежное.

— Я вся во внимании.

— Один тип ищет контент-менеджера. Не для бизнеса. Для личных целей. Платят столько, что ты сможешь купить себе ту самую квартиру на Патриках. И не одну.

Я замираю с чашкой у губ.

— Личные цели? — переспрашиваю я. — Это новый эвфемизм для «создать красивый аккаунт для любовницы»?

— Нет, все серьезнее, — Лика понижает голос, хотя мы говорим по телефону и нас никто не слышит. — Ему нужно вернуть бывшую жену. С помощью соцсетей, писем, продуманных встреч. Полный комплекс услуг по возврату ушедшей любви.

Я ставлю чашку на стол. Кориандровый аромат смешивается с запахом вчерашней пиццы, которую я забыла убрать в холодильник. Марсель открывает один глаз, смотрит на меня с подозрением и снова закрывает.

— Ты в своем уме? — спрашиваю я. — Я не брачная контора. Я создаю контент. Красивый, качественный, продающий.

— А это разве не продажа? — парирует Лика. — Продажа образа. Раскаявшегося, изменившегося, всепонимающего мужчины. Он хочет нанять тебя, чтобы ты создала для него новый имидж. Тот, от которого бывшая не сможет отказаться.

— Это звучит мерзко.

— Это звучит как пятьсот тысяч. Плюс бонусы.

Я замолкаю. Пятьсот тысяч — это не просто деньги. Это свобода. Возможность не брать дурацкие заказы на свадьбы и юбилеи хотя бы полгода. Возможность написать что-то свое. Возможность выдохнуть.

— Кто клиент? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ. Лика не стала бы так загораться ради кого попало.

— Глеб Крымов.

Имя падает в тишину, как камень в воду. Глеб Крымов. IT-магнат. Миллиардер. Холодный, расчетливый, успешный. И совершенно одинокий, если верить слухам. Я видела его фото в деловых журналах — всегда в костюме, всегда с непроницаемым лицом, всегда один. Ни жены, ни детей, ни даже собаки.

— Тот самый? — переспрашиваю я, хотя знаю.

— Тот самый, — подтверждает Лика. — Встреча завтра в десять. Я уже все согласовала.

— Лика, нет! — я вскакиваю с табуретки так резко, что Марсель подпрыгивает на подоконнике и смотрит на меня с возмущением. — Я не могу работать с ним. Он же... он же мудака, судя по всему!

— Мудака с бюджетом, дорогая, — безжалостно парирует Лика. — С очень большим бюджетом. Ты же сама говорила, что хочешь сменить квартиру на что-то посвободнее. Вот и заработаешь на первый взнос. А его душевные мутивы — не наше дело. Наше дело — упаковать их в красивую обертку.

— Ты невыносима.

— Знаю. Поэтому ты меня и любишь.

Я делаю глубокий вдох. Потом выдох. Марсель, успокоившись, снова сворачивается калачиком и закрывает глаза. Его позиция ясна: не связывайся с этим типом.

Но я уже связалась. Мысленно — да. Потому что деньги решают всё. И потому что мне надоело быть кукловодом чужих счастлих. Может, пора создать чье-то счастье по-настоящему?

— Ладно, — сдаюсь я. — Я встречусь с ним. Но это ни к чему не обязывает.

— Конечно, конечно, — Лика уже торжествует, я слышу это по голосу. — Просто послушай его. И надень что-нибудь... повеселее. Твой любимый серый свитер не катит.

— Что не так с моим свитером?

— Он похож на тот, в котором ходят бедные писательницы из французских фильмов. Ты не бедная писательница из

французского фильма. Ты успешный специалист.

— Я специалист, который сидит в своей квартире с котом и пьет кофе с кориандром, — огрызаюсь я.

— Вот именно, — Лика смеется. — Поэтому надень что-то, что заставит его увидеть в тебе не просто контент-менеджера, а человека, который может изменить его жизнь.

— Ты драматизируешь.

— Я реалистка, — поправляет она. — Завтра в десять. Не опаздывай.

Она отключается. Я смотрю на экран телефона, где высветилось сообщение с адресом офиса Глеба Крымова. Башня на набережной. Стекло и бетон. Место, куда меня в обычной жизни не пустили бы даже на порог.

— Что скажешь, Марсик? — спрашиваю я кота.

Кот зевает, потягивается и спрыгивает с подоконника. Он неторопливо идет к своей миске и требовательно мяукает. Его позиция ясна: сначала покорми, потом думай о своих миллиардерах.

Я насыпаю ему корм, наливаю свежую воду. Марсель ест с таким видом, будто делает мне одолжение.

— Ладно, — говорю я ему. — Завтра увидим, что это за зверь — Глеб Крымов.

Кот не отвечает. Ему все равно.

А я иду в спальню, открываю шкаф и начинаю перебирать вещи. Серый свитер, который Лика так не любит, висит на самом видном месте. Я провожу по нему рукой — мягкий,

теплый, почти родной. В нем я могу быть собой. Но Лика права: завтра мне нужно быть не собой. Завтра мне нужно быть профессионалом.

Я достаю темно-синий костюм — единственную «взрослую» вещь в моем гардеробе, купленную для защиты диплома. Он все еще висит в чехле, как музейный экспонат. Примеряю. В талии маловат, в бедрах в самый раз. Я не изменилась за пять лет. Или изменилась, но не там, где надо.

Костюм сидит хорошо, но смотрится слишком официально. Я добавляю шелковый платок — подарок Лики с прошлого дня рождения. Яркий, с леопардовым принтом. Он оживляет образ, делает его менее строгим, более... женским, что ли.

— Сойдет, — говорю я своему отражению.

Отражение смотрит с сомнением.

Ночью я не сплю. Ворочаюсь, встаю, пью воду, смотрю в окно. Москва за окном светится тысячами окон. Где-то там, в башне из стекла и бетона, сидит Глеб Крымов. Интересно, он тоже не спит? Или ему все равно? Или он уже забыл, что завтра у него встреча с какой-то контент-менеджершей?

Я закрываю глаза. Передо мной возникают фото из журналов — его лицо, его костюмы, его холодные глаза. Он похож на робота. Или на человека, который разучился чувствовать.

— Я научу тебя чувствовать, — шепчу я в темноту. — Это моя работа.

Марсель, спящий у меня в ногах, вздыхает во сне. Ему

снятсы мышы. Илы кошкы. Илы те консервы, которые я забыла купыть вчера.

Утром я просыпаюсь от будильника. Марсель, возмущенный ранним подъемом, с точностью снайпера плюет в мой новый блокнот с надписью «Идеи».

Идея первая: уволиться.

Я вытираю тряпкой обложку, смотрю на кота. Он невинно умывается на подоконнике, залитом серым светом. За окном — привычная московская мгла. Ни солнца, ни дождя, только бесконечная, серая тоска.

— Предатель, — бурчу я, натягивая костюм.

Марсель делает вид, что не слышит.

В девять тридцать я уже стою у подножия башни из стекла и бетона. Она уходит в небо, и у меня кружится голова, когда я смотрю вверх. Внутри — мрамор, зеркала, охрана с серьезными лицами.

— Яна Осокина к господину Крымову, — говорю я девушке на ресепшен.

— Вас ждут, — отвечает она и провожает меня к лифту.

Лифт бесшумно поднимается на двадцатый этаж. Двери открываются, открывая вид на приемную, которая больше походит на зал современного музея. Минимализм. Хромированные детали. Панорамное окно во всю стену.

— Проходите, — секретарша ведет меня по коридору.

Я делаю глубокий вдох. Потом еще один. Запах дорогого парфюма и свежесваренного кофе. И никакого кориандра.

Дверь открывается.

— Яна Осокина, — объявляет секретарша. — К вам.  
Я вхожу.

Кабинет огромный. Панорамные окна, вид на город, стол из светлого дуба без единой бумажки. И он. Глеб Крымов.

Он сидит в кресле, откинувшись на спинку, и смотрит на меня. Взгляд серых глаз — холодный, оценивающий, почти безразличный. Темные волосы, резкие черты лица, шрам на левой брови. Он не красив в классическом смысле. Он опасен. Как нож. Как лезвие. Как тот самый кофе, который я пью по утрам.

— Яна Осокина, — говорю я, протягивая руку.

Он не пожимает ее. Просто кивает на стул напротив.

— Садитесь.

Я сажусь. Подбираю юбку, выпрямляю спину. Смотрю прямо. Не сверху вниз — невозможно, он выше. Не снизу вверх — унизительно.

— Лика сказала, что вы лучшая в своем деле, — начинает он. — Что вы создаете эмоции.

— Я создаю контент, — поправляю я. — Который вызывает нужную реакцию.

— Близко enough, — уголок его рта дрогает. — Мне нужна реакция одной-единственной женщины. Ее зовут Вера. Моя бывшая жена.

Он поворачивает ко мне планшет. На экране — фото женщины. Светлые волосы, правильные черты лица, уверенная

улыбка. Красивая. Идеальная. Такая, каких я ненавижу всю жизнь.

Сердце делает кульбит. Потом еще один. Мир замирает на секунду.

Я знаю эту женщину. Веру.

Она была в университете. На курсе старше. Идеальная студентка, идеальная девушка, идеальная... стерва, которая отбила у меня парня. Моего первого парня. Того, в которого я была влюблена по уши. Он ушел к ней, потому что она была лучше. Красивее, успешнее, увереннее. Она была всем, чем я не была.

А теперь я должна вернуть ее этому человеку.

Жизнь — отличная шутница.

— Что-то не так? — спрашивает Глеб Крымов.

— Всё в полном порядке, — я натягиваю на лицо маску профессионализма. — Просто оцениваю масштаб задачи.

Он смотрит на меня. Долго. Пристально. Как будто видит насквозь.

— Расскажите подробнее, — говорю я. — Что именно вам нужно?

Он откидывается на спинку кресла. В его глазах мелькает что-то — интерес? Любопытство?

— Мне нужно, чтобы вы создали для меня новый имидж, — говорит он. — Тот, от которого бывшая не сможет отказаться. Посты, письма, «случайные» встречи. Всё, что угодно.

— Вы хотите, чтобы она вернулась, думая, что это ее решение, — говорю я.

— Все лучшие решения кажутся людям их собственными, — парирует он.

Я смотрю на него. На его холодные глаза, на его идеальный костюм, на его шрам на брови.

— Я подумаю, как это сделать — говорю я.

— Думайте, — он встает. — Но быстро. Время не ждет.

Я выхожу из кабинета. Сердце колотится где-то в горле.

В голове одна мысль: на что я только что согласилась?

И вторая: зачем?

Деньги? Да. Но не только.

Месть? Возможно.

Или что-то другое. То, чего я боюсь признать даже себе.

Я сажусь в лифт, нажимаю кнопку первого этажа. Двери закрываются.

— Я согласилась, — шепчу я.

Лифт дергается и начинает спуск.

Первый шаг в пропасть сделан. Осталось только не оглядываться.

## Глава 2

Профессионализм — это когда ты чувствуешь, как у тебя внутри всё сжимается в один маленький, холодный и очень тяжелый камень, а на лице при этом играет легкая, заинтересованная улыбка.

Именно такую улыбку я и изобразила, глядя на Глеба Крымова. На человека, который только что ткнул меня носом в мою старую, давно зарубцевавшуюся, как мне казалось, боль. И теперь ждал, что я начну танцевать под его дудку.

«Всё в полном порядке», — сказала я. Звучало правдоподобно. Надеюсь.

Он не отвел взгляда. Эти серые глаза, казалось, просвечивали меня насквозь, видя не деловой костюм и собранный пучок волос, а ту самую глупую девчонку из университета, готовую расплакаться от несправедливости. Ту, которая стояла в столовой с подносом в руках и смотрела, как ее парень уходит к другой. Ту, которая потом неделями не выходила из общаги, делая вид, что заболела. Ту, которая поклялась себе, что больше никогда никому не позволит так с собой обращаться.

И вот я здесь. С тем, кто хочет вернуть ту самую женщину. Ирония судьбы — жестокая штука.

— Хорошо, — наконец произнес он, откладывая планшет

в сторону. Движение было резким, точным, как у хирурга, делающего разрез. — Суть проста. Мы в разводе два года. Причина — я был полностью поглощен работой. Не уделял ей внимания. Классическая история, ничего оригинального.

Он говорил о своем провале в браке так, будто разбирал неудачный бизнес-кейс. Без эмоций. Только факты. Даты, причины, следствия. Я слушала и думала: неужели можно быть настолько отстраненным от собственной жизни? Неужели он действительно не чувствует боли? Или просто научился её прятать?

— Сейчас обстоятельства изменились, — продолжил он. — И я пришел к выводу, что... это была ошибка. Расторжение союза. Нужно ее исправить.

— Исправить, — повторила я, чтобы выиграть секунду, пока мозг лихорадочно соображал. — И вы считаете, что путь к исправлению лежит через... инстаграм?

В его глазах мелькнула искорка. Не тепла. Скорее, холодного любопытства. Как у ученого, который заметил что-то интересное в исследуемом объекте.

— Через создание правильного нарратива, — поправил он меня. — За последние два года я не опубликовал ни одного личного поста. Мой профиль — это новости компании, технологические тренды, безликие поздравления с праздниками. По мнению моих... консультантов, это создает образ робота. Человека, неспособного на глубокие чувства. Что, в общем-то, недалеко от истины.

Он признался в этом так легко. «Неспособен на глубокие чувства». От этих слов по спине пробежал неприятный холодок. Я смотрела на него и видела не просто успешного бизнесмена, а человека, который, возможно, сам поверил в то, что говорит. Который убедил себя, что чувства — это слабость, а слабость — это риск. И теперь расплачивался за эту убежденность одиночеством.

— А вам нужно показать обратное, — сказала я, начиная понимать схему. — Раскаяние. Осознание. Изменение.

— Именно. Но не напрямую. Не письмами с извинениями. Это не сработает. Нужно... создать фон. Новую реальность, в которой я — другой. Где есть место не только коду и сделкам. Где я вспоминаю о том, что ей нравилось. Делаю это публично, но без прямого обращения к ней. Чтобы у нее возникло ощущение, что она сама всё поняла. Сама захотела вернуться.

Боже. Это было чертовски умно. И чертовски манипулятивно. Он хотел не извиниться. Он хотел создать для Веры иллюзию выбора, который на самом деле был тонко срежиссирован. Как режиссер, который выстраивает кадр так, чтобы зритель поверил в спонтанность происходящего.

— Вы хотите, чтобы она вернулась, думая, что это ее решение, — прошептала я, больше для себя, чем для него.

— Все лучшие решения кажутся людям их собственными, — парировал он. — Моя задача — подвести ее к нужной двери. Ваша — построить к этой двери красивый, убе-

дительный коридор.

Меткая метафора. От этого стало еще противнее. Я строила коридоры. Коридоры из чужих слов и подобранных картинок. Из правильных ракурсов и отфильтрованных эмоций. Я была архитектором иллюзий. И этот человек только что заказал у меня самую дорогую иллюзию в моей карьере.

— И что будет в этом... коридоре? — спросила я, беря в руки блокнот, который на всякий случай сунула в сумку. Записывать — это всегда хороший способ скрыть дрожь в пальцах. Блокнот был новым, купленным накануне специально для этого проекта. Белые листы пахли типографской краской и возможностями. Или угрозами. Я еще не решила.

Он перечислил по пунктам, загибая пальцы. Каждый жест — отточенный, экономный. Ни одного лишнего движения.

— Во-первых, полный ребрендинг моих соцсетей. Новые фото. Не в офисе. На природе, с книгой, в путешествии. Какое-нибудь... хобби. — Он сделал паузу, будто само слово «хобби» было для него чужим. — Во-вторых, тексты. Не я, конечно, их писать не буду. Вы будете. От моего лица. Вспоминающие. Немного ностальгические. Без прямого упоминания, но с понятными для нее отсылками. В-третьих, серия «случайных» пересечений. Я предоставлю ее расписание — благотворительный фонд, который она курирует, спортзал, любимое кафе. Вы разработаете сценарий, где наши встречи будут выглядеть как судьба.

Он говорил, а я записывала, чувствуя, как внутри нарас-

тает тошнотворная волна. Это была не работа. Это была постановка. Целая жизнь, превращенная в спектакль для одной зрительницы. А я назначалась и драматургом, и реквизитором, и суфлером, и режиссером. Я должна была стоять за кулисами и дергать за ниточки, пока актеры произносят мои слова.

— Вы понимаете, что это требует полного погружения? — сказал он, прерывая поток моих мрачных мыслей. — Достаю ко мне. К моему графику. К... некоторым личным делам. Конфиденциальность должна быть абсолютной. Никаких упоминаний в портфолио. Никаких разговоров с подругами.

Он посмотрел на меня. Взгляд стал тяжелее. Острее. Я почувствовала себя под микроскопом.

— Это не подлежит обсуждению, — добавил он.

— Я понимаю, — кивнула я. Голос звучал так, словно перестал быть моим. Чужим, плоским, профессиональным. — У меня есть один вопрос, господин Крымов.

— Глеб, — поправил он. — Если мы работаем над моей личной жизнью, формальности излишни. Какой вопрос?

Я отложила блокнот и посмотрела ему прямо в глаза. Выдержу ли? Не моргну? Внутри всё дрожало, но я заставила себя не отводить взгляд.

— Почему? — спросила я просто. — Почему именно сейчас? Прошло два года. Вы стали только успешнее. Женщин вокруг, я уверена, более чем достаточно. Зачем весь этот...

спектакль?

Он не ответил сразу. Отвернулся, посмотрел в окно на раскинувшийся внизу город. Его профиль на фоне светлого неба казался высеченным из гранита. Твердым. Непробиваемым. Но я заметила, как дрогнули его пальцы, лежащие на подлокотнике кресла. Едва заметно. На секунду.

— Женщин достаточно, — тихо согласился он. — Им нужны мои деньги, мой статус, мои связи. Им не нужен я. Точнее, я такой, какой есть. Вера... — он сделал небольшую паузу, подбирая слова. — Вера знала меня другим. Еще до всего этого. Когда я был никем. Она верила в меня тогда. А я... я ее недооценил. Посчитал, что она всегда будет ждать. Это была ошибка. Теперь я хочу ее исправить.

В его голосе прозвучала какая-то неуловимая нота. Почти сожаление. Почти боль. Искренняя? Или это тоже было частью нарратива, который он уже начал выстраивать в своей голове? Я не знала. Но в этот момент циник Глеб Крымов вдруг показался мне человеком. Очень одиноким. И очень упрямым.

— Хорошо, — сказала я, не в силах больше держать этот взгляд. Я опустила глаза на блокнот, на свои каракули. «Хобби». «Случайные встречи». «Судьба». — Я берусь за проект.

— Отлично, — в его голосе снова появилась та же деловая резкость. Будто и не было этой секундной уязвимости. Будто мне показалось. — Это стандартное соглашение о неразглашении и предварительный контракт. Гонорар, как обсужда-

лось. Плюс бонус по достижении результата. Все детали там. Изучите. Если всё устраивает, подпишите. Начало работ — с понедельника.

Он протянул бумаги. Я взяла их. Листы были тяжелыми, качественными. Пахли не чернилами, а деньгами и властью. Властью, которую он имел надо мной. Над моей жизнью. Над моими принципами.

— Мне понадобится доступ к вашим архивам, — сказала я, уже мысленно составляя список. Голос звучал ровно, будто я говорила о погоде. — Личные фото разных лет. Чтобы понять динамику. Что вы любили раньше. Что могла любить она. Еще... список мест, которые были для вас значимы. Хотя бы приблизительный.

— Договорились. Всё будет. Мой ассистент Дарина представит вам всё необходимое и будет вашим основным контактным лицом.

Он встал. Наш разговор был окончен. Я автоматически поднялась со стула, сунула контракт в сумку. Бумаги шуршали, напоминая о том, что я только что сделала.

— До понедельника, Яна, — сказал он, кивнув на прощание. И снова уставился в монитор, будто я уже перестала существовать.

Я вышла из кабинета, прошла по длинному белому коридору, зашла в лифт. Только когда двери сомкнулись и лифт рванул вниз, я позволила себе облокотиться на стену и выдохнуть. Длинно, с дрожью, с чувством, что из меня выпу-

стили весь воздух.

Руки тряслись. Я сжала их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль помогала вернуться в реальность.

Что, черт возьми, я только что сделала? Я согласилась помочь человеку, который был для меня символом всего холодного и расчетливого, вернуть женщину, которая когда-то разбила мое и без того хрупкое самолюбие. За большие деньги.

Это был новый уровень самоуничтожения. Или изворотливости ума. Я еще не решила.

Лифт доставил меня в холл. Я вышла на улицу, и слепящее солнце ударило в глаза. Город шумел, жил своей жизнью. Люди спешили по своим делам, не зная, что только что произошло в башне из стекла и бетона. А у меня в сумке лежал контракт, который превращал меня в кукловода в чужой любовной драме.

Я достала телефон. Набрала Лику.

Она сняла трубку после первого гудка. Будто ждала.

— Ну? — в ее голосе звучало нетерпение.

— Я согласилась, — сказала я, глядя на поток машин. —

Подпишу контракт.

— Ура! — крикнула она в трубку. — Я же говорила! Это же золотое дно! Ты не пожалеешь!

— Он хочет вернуть Веру. Ту самую Веру, Лик. Помнишь?

На том конце провода повисла тишина. Долгая, тяжелая.

Я слышала, как Лика дышит, как думает.

— Блин, — наконец выдавила она. — Серьезно? Та самая стерва с экономического?

— Та самая.

— Охренеть, — искренне восхитилась Лика. — Ну, это... это даже лучше. Теперь у тебя есть личная заинтересованность. Мотивация.

— Какая, прости? — я не поняла.

— Ну как какая! Сделать так, чтобы у него ничего не вышло! Незаметно саботировать! Отомстить ей опосредованно! Это же гениально!

Я закрыла глаза. Лика видела мир как голливудский блокбастер — с погонями, взрывами и обязательной местью в финале. Она не понимала, что реальность сложнее. Что в реальности месть не приносит облегчения. Что в реальности ты просто остаешься один на один со своей болью, и никто не аплодирует.

— Я не собираюсь мстить, Лика. Я профессионал. Я взяла заказ и выполню его.

— Да брось ты, — фыркнула она. — Ты же ее ненавидишь.

Ненавижу? Нет. Я ее боялась. Ее идеальности. Ее уверенности. Ее способности получать то, что она хочет, просто потому, что она этого заслуживает по праву рождения. Она была тем зеркалом, в которое мне не хотелось смотреть. И теперь мне предстояло сделать эту картинку в зеркале еще прекраснее.

— Это работа, — повторила я, больше для себя. — Просто работа.

— Ладно, ладно, — сдалась Лика. — Тогда празднуем! Идем вечером в «Виноград»? Отметим твой новый этап карьерного роста? За мой счет!

— Идем, — согласилась я. Потому что нужно было куда-то деть эту дрожь внутри. Залить ее просекко. Или придумать, как жить с тем, что я только что продала часть своей... чего? Души? Принципов? Или просто пошла на сделку с собственной гордостью?

Я положила телефон в карман и побрела к метро. В голове крутились обрывки фраз. «Создать нарратив». «Построить коридор». «Исправить ошибку».

И лицо. Лицо Глеба Крымова, когда он сказал: «Она верила в меня тогда». В его глазах на секунду промелькнуло что-то настоящее. Уязвимое. Человеческое.

Именно это и пугало больше всего. Потому что циника играть легко. А вот человека, который помнит, что такое боль... его играть опасно.

Для него. И для меня.

Я зашла в метро, в вагон, прижалась к стеклу. Отражение в темном окне было бледным, глаза слишком большими. «Яна Осокина, куратор чужих чувств», — подумала я с горькой иронией. «Та, кто пишет любовь для других, но не верит в нее для себя».

Вагон дернулся, поехал. За стеклом мелькала темнота

тоннеля, сменяющаяся светом станций. Люди заходили, выходили, не глядя друг на друга. Мы все были одиноки в этом городе. Даже те, у кого есть миллиарды.

Звонок телефона вывел меня из оцепенения. Незнакомый номер. Я колебалась секунду, потом ответила.

— Алло? — осторожно сказала я.

— Яна, добрый день. Это Дарина Медникова, ассистент Глеба Игоревича, — произнес молодой, энергичный женский голос. — Пересылаю вам на почту подборку фотоматериалов за последние пять лет, как вы и просили. И хотела бы согласовать наше первое рабочее совещание. Глеб Игоревич будет завтра в городе только до обеда, потом улетает в Питер на два дня. Можете подъехать к десяти?

Работа началась. Не с понедельника. Сейчас. Сию секунду. Пока я еще не успела передумать.

— Да, конечно, — ответила я на автомате. — Я буду.

— Отлично. Жду вас. И... удачи.

Она положила трубку. «Удачи». Слово звучало как-то многозначительно. Будто она знала что-то, чего не знала я.

Я открыла почту на телефоне. Пришло новое письмо. Тема: «Архив для проекта «Возвращение». Я нажала на вложение. Папка с сотнями файлов начала загружаться. Фотографии, документы, сканы писем. Целая жизнь, упакованная в цифровой формат.

Первое фото, которое появилось на экране, было старым, немного размытым. Молодой Глеб, лет на пятнадцать моло-

же. Без шрама на брови. Он смеялся, обнимая за плечи ту самую, молодую Веру. У нее были такие же каре-зеленые глаза и беззаботная улыбка. Они выглядели счастливыми. По-настоящему.

Не так, как на тех фото, которые я делала для своих клиентов. Не постановочно. Не отрепетированно. А просто — счастливыми.

Мое сердце снова неприятно кольнуло. Я быстро выключила экран, убрала телефон в карман.

Куратор чужих чувств не должен в них влюбляться. Даже если это чувства на пятнадцатилетней фотографии. Особенно — на пятнадцатилетней фотографии.

Но первый шаг в эту пропасть был уже сделан. Осталось только не оглядываться.

Вагон вынырнул на поверхность. За окном мелькнул Кремль, золотые купола, серая Москва-река. Город, в котором я жила, который знала, который ненавидела и любила одновременно.

— Следующая станция — «Кропоткинская», — объявил голос из динамика.

Я вышла. Холодный ветер ударил в лицо, приводя в чувства.

Нужно было идти дальше. Жить дальше. Работать дальше. Я достала телефон, нашла контакт Дарины. Написала: «Спасибо, файлы получила. Завтра буду. Еще раз спасибо за оперативность».

Ответ пришел через секунду: «Всегда пожалуйста. Хорошего дня!»

Хорошего дня. Будто он мог быть хорошим после всего, что случилось.

Я сунула телефон в карман и пошла к метро. В голове уже крутились первые идеи. Первые черновики постов. Первые сценарии «случайных» встреч.

Работа. Просто работа.

Я почти поверила в это.

## Глава 3

Если в понедельник утром вселенная дает тебе знак, то, скорее всего, он гласит: «Останься в постели».

Мой знак был конкретнее и мокрее. Проснувшись от противного дребезжания будильника

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.